

ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ XVI В. В САДАХ КАЛАИ КУХНА (КАРОН) В ДАРВАЗЕ

© 2025 г. Л.О. Смирнова

Государственный Эрмитаж, Отдел Востока,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: smirnova@hermitage.ru

Поступила в редакцию: 12.04.2024 г.

После доработки 12.04.2024 г.

Принята к публикации 18.06.2024 г.

Статья, продолжающая серию публикаций по исследованию материалов, собранных в 2012–2014 гг. в Дарвазе (Таджикистан), посвящена одному из архитектурных объектов, раскопанных в позднесредневековых слоях Калаи Кухна (Карон). Представлено описание помещения, условно названного Красный зал, выявлены аналогии его планировки в этнографии Памира, проанализирован декор и функция помещения; представлены аргументы в пользу датировки помещения в рамках хронологических границ последнего периода обживания памятника – XIV – начало XVII в., а также аргументы, опровергающие интерпретацию помещения как астрологической комнаты, предложенную ранее таджикскими коллегами; рассмотрено бытование форм посуды, сходных с формой глиняной чаши, найденной в Красном зале.

Ключевые слова: позднесредневековый Дарваз, Калаи Кухна (Карон), Красный зал, астрологическая комната, планировка жилого помещения, этнография Памира, росписи, декор, глиняная чаша.

DOI: 10.31857/S0869606325010093, **EDN:** BGRFRY

Археологический памятник Калаи Кухна (Карон) находится в Дарвазском районе Горно-Бадахшанской области Республики Таджикистан, в 2 км к востоку от кишлака Рузвай и в 8.5 км от районного центра, города Калаи-Хумб. Дарвазский археологический отряд под руководством акад. АН Республики Таджикистан Ю.Я. Якубова начал работы на памятнике Калаи Кухна (Карон) в 2012 г. В 2013–2014 гг. в раскопках участвовали автор настоящей статьи, ст. н. с. ГЭ А.Б. Никитин и архитектор Е. Буклаева.

Статья – продолжение серии публикаций, посвященных датировке, интерпретации и включению в культурный контекст ряда объектов, найденных в 2012–2014 гг. на памятнике (Никитин, Смирнова, 2017; 2019; Смирнова, 2020; 2023).

На памятнике выделено три строительных периода: древний (неисследованный) и два позднесредневековых (Никитин, Смирнова, 2019). Слои последнего периода обживания формировались с рубежа XIV/XV вв. по начало XVII вв. Предположительно, в начале XVII в. Калаи Кухна (Карон) частично погиб в пожаре и был заброшен.

Самым ранним из исследованных объектов последнего периода обживания (предположительно

рубеж XIV/XV вв.) был мавзолей “Айванный дом” – постройка, для понимания которой пришлось рассматривать погребальные сооружения Северного Кавказа, Крыма и Золотой Орды (Никитин, Смирнова, 2017). Затем – “Панчманор” – предположительно мечеть-усыпальница (по-видимому, середина XV в.), внешний вид которой заставил обратиться к архитектуре Индии и Ближнего Востока. Затем были построены садовые террасы (вероятно, рубеж XV/XVI вв. или начало XVI в.), которые потребовали изучения вопроса ландшафтного дизайна и его значения в Тимуридское и Могольское времена в Средней Азии, Афганистане и Индии соответственно. Последними постройками стали Красный зал – жилое помещение в одном из садов, которому посвящена настоящая статья, и дворец, расположенный на сотню метров выше всех остальных сооружений (рис. 1, 10).

Интерпретация террас как тимуридского/могольского сада рубежа XV/XVI или начала XVI вв. дает возможность рассматривать памятник как мемориально-парковый и дворцово-парковый комплекс. Однако масштабы работ, проведенных при создании террас, а также значение сада

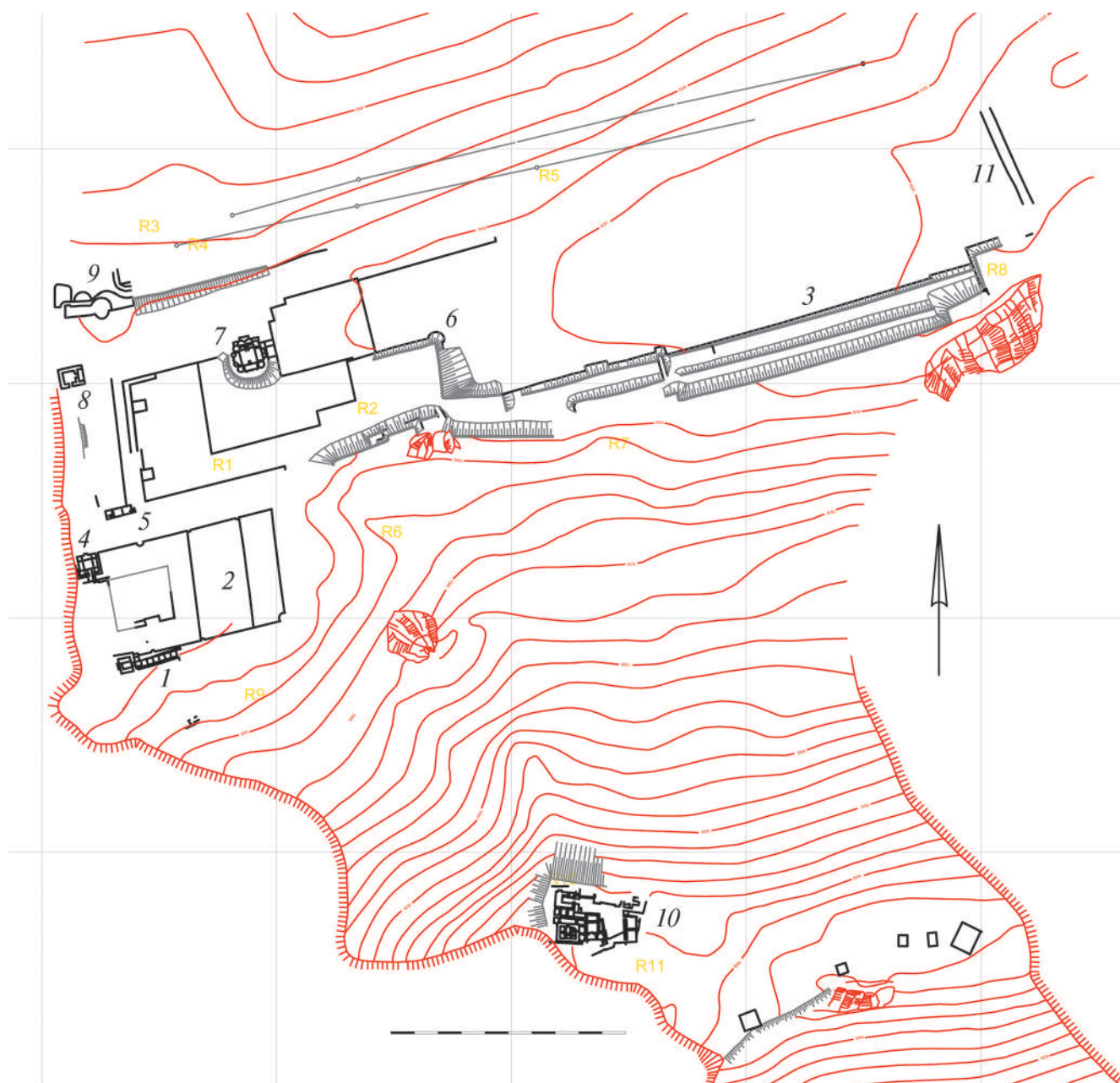

Рис. 1. План Калаи Кухна (Карона). Условные обозначения: 1 – лестница; 2 – закрытый сад; 3 – террасы; 4 – Красный зал; 5 – винодельня; 6 – угловая башня; 7 – мечеть-усыпальница “Панчманор”; 8 – мавзолей “Айванный дом”; 9 – входная башня; 10 – дворец; 11 – стена (здесь и на рис. 2–5 архитектор Е. Буклаева).

Fig. 1. Plan of Kala-i Kukhna (Karron). Symbols: 1 – the staircase; 2 – the walled garden; 3 – terraces; 4 – the Red Hall; 5 – the winery; 6 – the corner tower; 7 – the Panjmanor burial mosque; 8 – the Iwan House mausoleum; 9 – the entrance tower; 10 – the palace; 11 – the wall (here and in Fig. 2–5 by architect E. Buklaeva)

в XV–XVI вв. говорит о том, что это место – важный политический центр Северного Дарваза. П.А. Кузнецов в кратком историческом очерке Дарваза называет именно это место бывшей столицей Дарваза времен Тимура (1893. С. 1, 2).

Жилое помещение, условно названное Красный зал, расположено в юго-западной части террас – в закрытом саду, находящемся к западу от холма с дворцом (рис. 1, 4). Зал получил свое

название из-за цвета стен, которые стали такими в результате пожара, приведшего к гибели постройки. Участие российских сотрудников в исследовании Красного зала сводилось к наблюдению в процессе раскопок, описанию и обмерам после зачистки.

Красный зал пристроили к боковой стене-террасе уже после создания сада. Кладка его отличается от выкладки стен котлована сада, а также

от стен мавзолея “Айванный дом” и мечети-усыпальницы “Панчманор” и сходна с кладкой стен дворца (Никитин, Смирнова, 2019. С. 363).

В закрытый сад попасть можно было только через лестницу (рис. 1, 1; 2). Лестничный комплекс состоит из коридора с семью ступеньками-площадками и жилого помещения. И Красный зал, таким образом, стал второй жилой постройкой в саду. Сам сад — большой котлован площадью 74×46 м и глубиной около 7–8 м — комплекс, который не соответствует классическому типу тимуридских или могольских садов.

Важными чертами тимуридского, а затем и могольского сада были: ограничение пространства (наличие стены); упорядоченность и геометрия форм — осевая планировка, которая сводилась к расчленению квадратного или прямоугольного участка каналами воды на четыре части с регулярным планом, подчиненным геометрии осей, с центральным положением источника воды и/или дворцового павильона, четкой разбивкой зеленых посадок; а также текущая, а не стоячая вода (Пугаченкова, 1951; Назмиева, 2008. С. 47; Коротчикова, 2020. С. 144). Д. Уилбер в число признаков включает еще и расположение женского помещения на западе (Wilber, 1957. P. 508).

Здесь присутствуют только три признака, и каждый из них может быть признаком

тимуридско-могольского сада с некоторой оговоркой. Стены ограждения, которые в тимуридском саду, и особенно в могольском, символизируют противопоставление порядка и хаоса (Bernardini, 1995. S. 245; Суворова, 2009. С. 30; Козлова, 2017. С. 57), — это, с одной стороны, террасы, формирующие котлован сада, а с другой — они могут нести чисто утилитарную функцию ограждения частного жилого пространства от общественного (мемориально-паркового — садовые террасы вокруг мечети-усыпальницы “Панчманор”). Доминирующее углубление в центре, где была зачищена квадратная каменная выкладка (хауз? фундамент павильона?), не является частью осевой планировки, превращающей сад в классический чор-баг. Расположение жилых (женских?) помещений на западе, как Красного зала, так и жилого помещения в комплексе лестницы (рис. 2), тоже может быть чисто функциональным признаком. Оба жилых помещения максимально недоступны и расположены практически на краю склона.

Красный зал — большое квадратное в плане помещение с системой разноуровневых суф вдоль всех стен, расписной нишей в северной стене, проходом — в центре южной и каменным столиком-механизмом в центре. Площадь помещения — 8.05×7.70 м (рис. 3, 4).

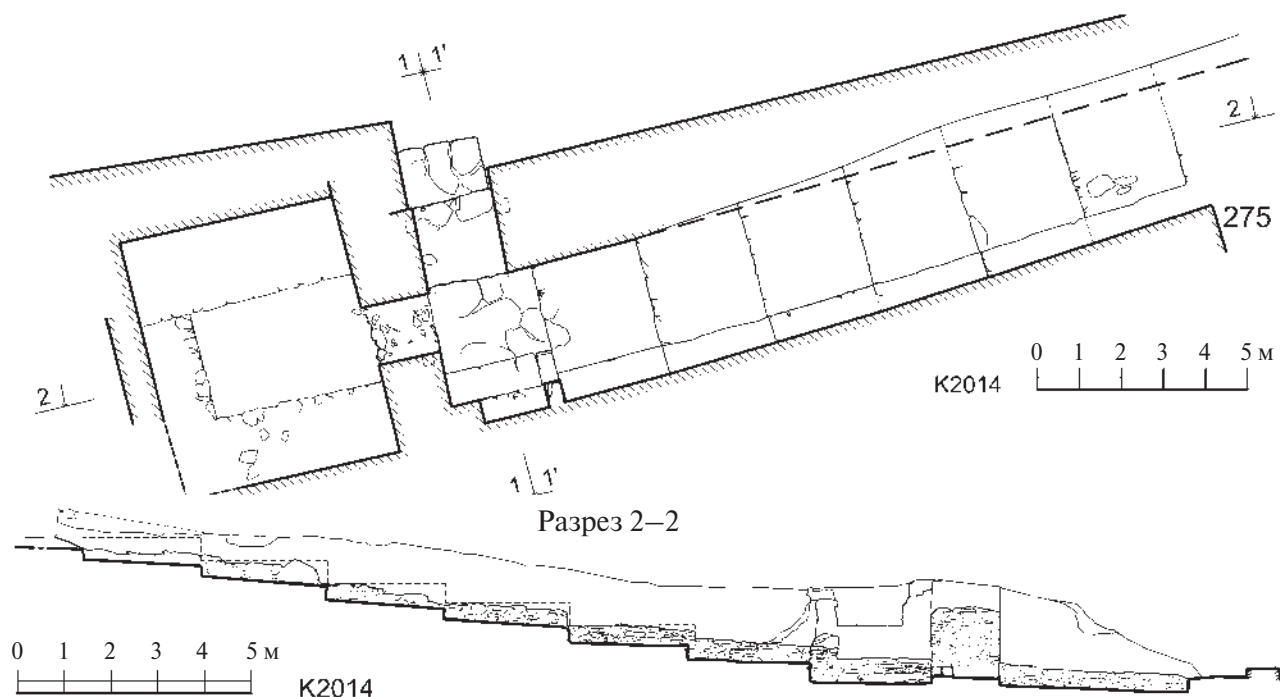

Рис. 2. План и разрез лестницы.

Fig. 2. Plan and section of the staircase

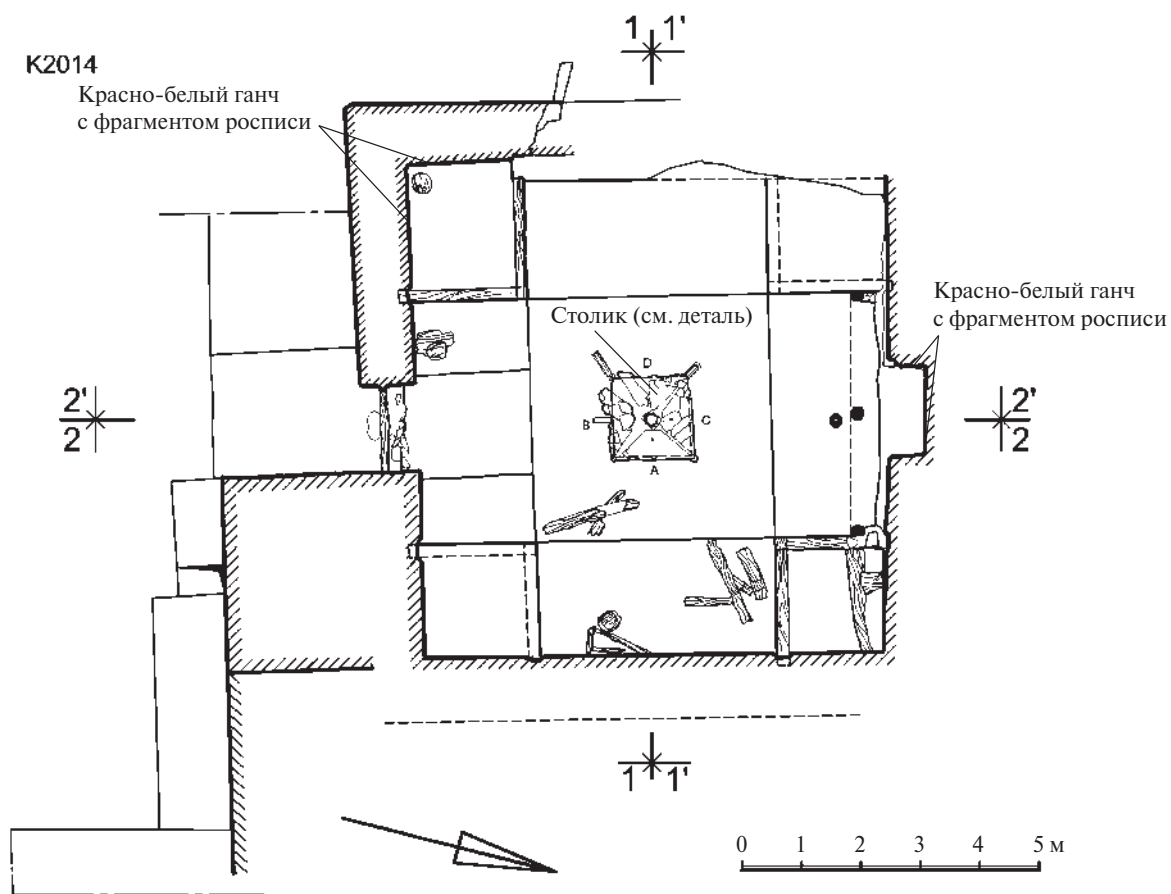

Рис. 3. План и вид Красного зала с запада.

Fig. 3. Plan and west view of the Red Hall

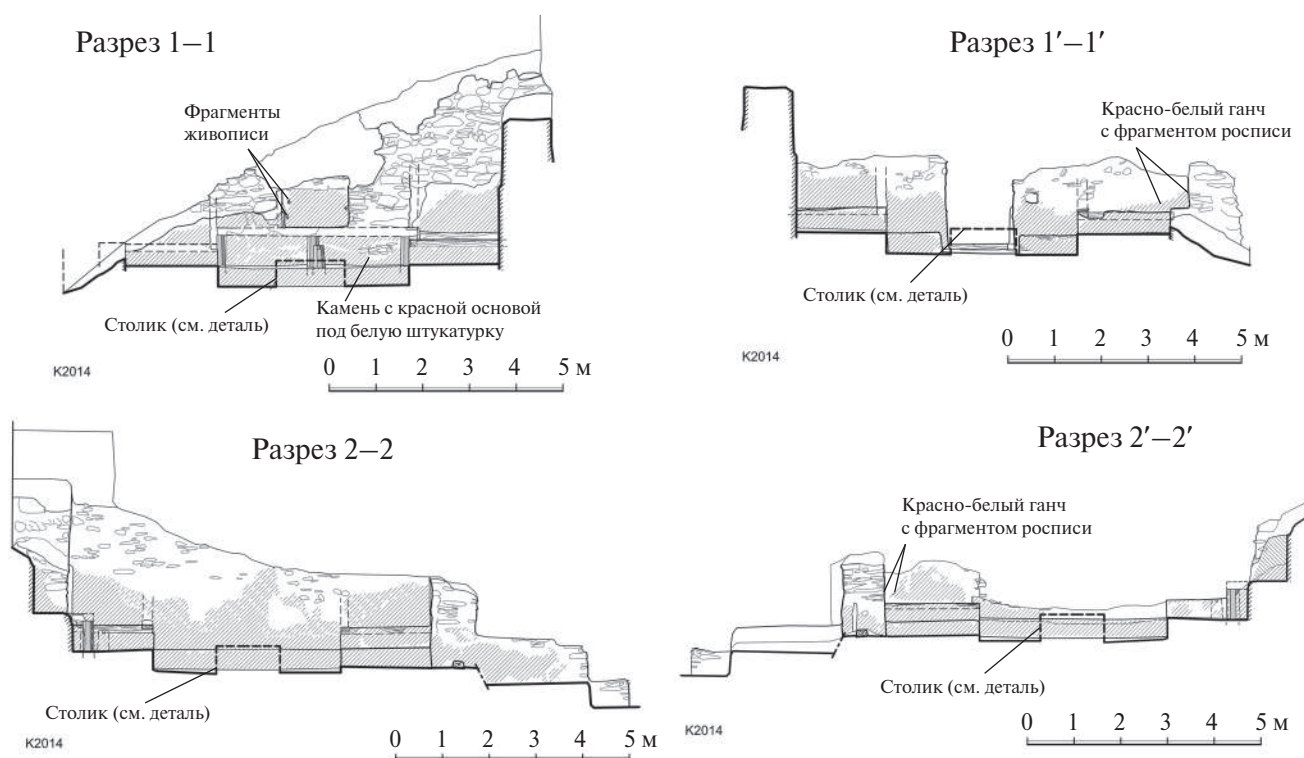

Рис. 4. Разрезы Красного зала.

Fig. 4. Sections of the Red Hall

Высота угловых суф достигает 0.7 м, площадь от 1.83×1.92 м (северо-восточная суфа) до 1.98×2.33 м (юго-западная). Высота суф между ними около 0.45 м. По краям высокие суфы были отделаны брусками дерева. Над краями угловых суф в штукатурке стены видны следы столбов.

Суфы — это традиционные для Средней Азии конструкции интерьера (см., например, жилое помещение лестницы — рис. 2), однако автору не удалось найти в археологии Средней Азии образцы зонирования жилого пространства с помощью разноуровневых суф.

По центру северной стены расположена ниша глубиной 0.70 м, шириной — 1.55 м. Верхняя ее грань разрушена. Сохранилась на высоту 1 м. Ниша покрыта штукатуркой толщиной 11 см и красным ганчем (тип штукатурки), поверх которого идет белый ганч с росписью стилизованными цветками. Вдоль нижнего края боковых стенок, вдоль края нижней поверхности ниши идет ряд цветочков, а остальная поверхность покрыта цветами в шахматном (?) порядке. Возможно, из-за пожара цвет краски стал черным. Сохранность живописи очень плохая.

Вдоль ниши от северо-западной угловой суфы до северо-восточной угловой суфы тянулась каменная “полка”, поддерживаемый двумя

каменными полуколонками около суф и каменной колонкой в центральной части. В заполнении сохранились разбитые камни “полки”, а на краю северо-восточной суфы глина обмазки его края.

Западная стена помещения почти полностью разрушена. Судя по нижней линии сохранности и штукатурке, над юго-западной суфой стена выступала на 0.35 м и была украшена живописью: при зачистке выявлены следы красного и белого ганча со следами росписи, аналогичными декору в нише. Возможно, до пожара цветочный орнамент был синего цвета, так как был найден фрагмент штукатурки, покрытой синей краской.

Проход располагался в центре южной стены. На западной щеке прохода расчищены остатки гипса, которым была обмазана рама двери. По линии гипса на полу лежал сгоревший брус порога.

В середине помещения расчищена кубическая конструкция с остатками каменного механизма (?). Размеры конструкции около $1.3 \times 1.3 \times 0.5$ м. В центре ее находилось отверстие, судя по следам, для деревянного столба глубиной 0.55 м, диаметр — 0.33 м (рис. 5, 1). Поверхность была покрыта столешницей из четырех трапециевидных хорошо обработанных плит. Плиты были соединены, образуя квадрат, и опирались на четыре колонны, круглых в сечении

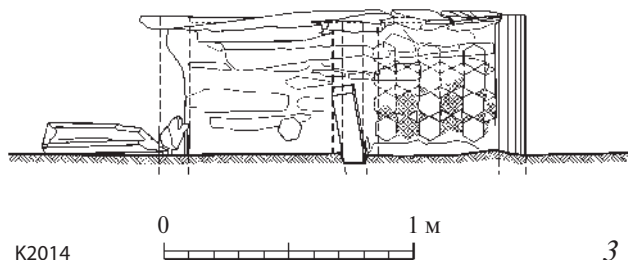

1

2

Вид D

3

Рис. 5. Столик в центре Красного зала и находки над ним. 1 – большие камни от упавших конструкций в заполнении помещения (Якубов, 2018. С. 83, рис. 12); 2 – каменные конструкции от подвижного механизма (из архива автора); 3 – фасад столика, сторона D.

Fig. 5. A table in the centre of the Red Hall and the objects found under it. 1 – large stones from fallen structures in the filling of the room (Yakubov, 2018. P. 83, Fig. 12); 2 – stone structures from the movable mechanism (from the author's archive); 3 – the facade of the table, side D

с вырезанным сегментом. На верхней грани колонок небольшие отверстия. Помимо угловых столбиков, плиты поддерживались прямоугольными в сечении каменными столбиками в середине. Все четыре трапециевидные плиты на расстоянии 14 см от внутреннего края имеют углубления квадратные 4×4 см и глубиной 1.5 см, где, вероятно, крепился какой-то прибор. На поверхности стола найдены четыре каменные стойки с продольными прорезями, круглыми выступами и крепившиеся к ним поперечные каменные бруски с круглыми пазами для выступов (рис. 5, 2). Стенки стола орнаментированы шестиугольными каменными плитками, чередующимися с шестиугольниками из алебаstra (рис. 5, 3). Пространство между алебастровыми и каменными шестиугольниками заполнены каменными треугольниками. На северной грани столика под трапециевидной плитой были видны фрагменты дерева, к которому, возможно, крепились панели с орнаментом. В заполнении над столом и на самом столе расчищены три большие каменные детали, прямоугольные по форме, две из которых с пятигранной выемкой, а третья с выемкой сложной формы: с одной стороны пятигранник, а с другой – окружность. Видимо, эти каменные детали упали сверху в момент разрушения помещения (рис. 5, 1).

Заполнение над полом практически полностью состояло из огромного количества горелого дерева. Толщина горелого слоя достигала в высоту около 0.5 м. Среди углей удалось расчистить несколько фрагментов деревянных конструкций.

Ю.Я. Якубов считает, что “судя по устройству комнаты, каменному столу, его конструкции, каменным треугольным пластинам с прорезными диагональными канальцами, оформлению сторон каменными плитками в виде шестигранников и треугольников с символами, а также другим находкам, можно было предположить, что данное помещение имело астрологическое назначение” (Якубов, Сулаймонзода, 2022. С. 122). “Вопрос аналогий и датировки самой астрологической комнаты” Якубов оставляет открытым (Там же. С. 123).

С нашей точки зрения, перечисленные Ю.Я. Якубовым признаки недостаточны для интерпретации комнаты как астрологической. Треугольники и шестигранники были всего лишь украшением столика в центре, что видно по представленной им в публикации фотографии (Якубов, Сулаймонзода, 2022. С. 122) и чертежам (Там же. С. 121, рис. 39). Наличие каменных деталей подвижного механизма также не означает их

астрологического использования, да и толстый слой горелого завала указывает на плотные перекрытия, которые бы затруднили наблюдения за звездами. А найденные нами аналогии устройства помещения и его планировки указывают на его жилую функцию.

До сих пор рассматриваемые архитектурные и архитектурно-ландшафтные сооружения на Калаи-Кухна заставляли в поисках аналогий обращаться к образцам архитектурных и ландшафтных сооружений на территориях практически всего мусульманского мира за пределами Памира. Для анализа и интерпретации Красного зала была найдена аналогия в этнографии самого Памира (рис. 6).

Сходную планировку помещения можно увидеть в традиционном памирском доме, горном жилище южно-таджикского типа по типологии В.Л. Ворониной. Основное жилое помещение этого типа (чид) представляет собой квадратную в плане постройку с кровлей на трех-пяти столбах и бревенчатым куполом с отверстием. Проход по сторонам двери окружен разноуровневыми лежанками (суфами), разделенными на части различного назначения. Площадь помещения от 50 до 100 м², высота до 4 м. Комнате иногда предшествует “долун” — айван (веранда) с неполной передней стенкой и помещения для приема гостей и т.п. Эти черты более ярко выражены в домах с рассматриваемым типом помещений вверх по рекам Пянджу и Хингоу, постепенно затухают к равнине (Воронина, 1951б. С. 252, 253; Мамадназаров, 2015. С. 427–431).

А.К. Писарчик отмечает, что старые памирские дома — это дома, прежде всего, больше-семейные и их размеры зависят от уровня материального благосостояния общества на момент строительства (1958. С. 425–431). Ареал распространения такого типа дома — от Вахана до долины Пшихарв, лежащей ниже Ванча, Дарваз (с некоторыми отличиями), в Каратегине по правому берегу р. Сурхоб до впадения р. Хингоу (по левому берегу не выявлен) (Там же. С. 470, 471).

Ссылаясь на И.И. Зарубина, В.Л. Воронина делит горные жилища на два типа — курное и снабженное камином. Это очень важный момент в контексте настоящей работы, так как способ обогрева дома коррелируется с типом перекрытия. Курное жилье — с бревенчатым куполом, а жилью с камином соответствует плоская кровля (Воронина, 1951б. С. 252, 253).

Сходство Красного зала с южно-таджикским типом горного жилища проявляется в наличии

разноуровневых суф вдоль стен всего помещения, что предполагает разделение их функций в помещении; в расположении прохода; в наличии (следов) опорных столбов у стен и по краям суф, на которые падает основная нагрузка по поддержанию кровли; в следах ограждений вдоль высоких суф; наличии стеновой ниши. Расположение входа на центральной оси соответствует разновидности “правильного чида” (Мамадназаров, 2015. С. 429).

Различия Красного зала и южно-таджикского типа горного жилища, вероятно, обусловлены их различным статусом. Красный зал — это жилое помещение в садово-парковом комплексе, на создание которого было затрачено значительное количество средств, и он явно находился в сфере забот местного правителя. Жилища, которые исследовали В.Л. Воронина и М. Мамадназаров, — это традиционные дома обычных жителей горных кишлаков, в которых зимой могли даже держать скот (Воронина, 1951б. С. 254; Мамадназаров, 2015. С. 429).

Первое отличие Красного зала от традиционного памирского дома заключается в отсутствии очага. В памирском доме он чаще всего находился у левой от входа стены. В Красном зале левая стена практически разрушена, но и следов очага или камина тоже не обнаружено.

Как уже говорилось выше, способ отопления — очаг или камин — влиял на форму кровли. Под отверстием в крыше также всегда устраивали водослив, покрытый досками или старым жерновом (Воронина, 1951б. С. 254; Мамадназаров, 2015. С. 436). В Красном зале в центре располагалась сложная столбовая конструкция со столиком на полу и каменными блоками с пазами наверху (рис. 5), что, возможно, исключает традиционный бревенчатый купол над помещением или же он был заменен сложной подвижной конструкцией. Следов системы отопления в Красном зале не найдено.

Способам отопления в Средней Азии конца XIX — начала XX вв. была посвящена специальная статья А.К. Писарчик, которая выделила шесть способов отопления (1982. С. 70–111). Пять из них могут оставлять археологические следы: 1) костер; 2) очаг, вырытый в полу жилища; 3) очаг корчагообразный, срезанный с одной стороны по всей высоте; 4) очаги с дымаками (камины); 5) сандали/курси — небольшое углубление в полу, над которым ставился табурет или столик, покрывавшийся курпой (одеялом). Еще один, дорогой, способ отопления, требовавший

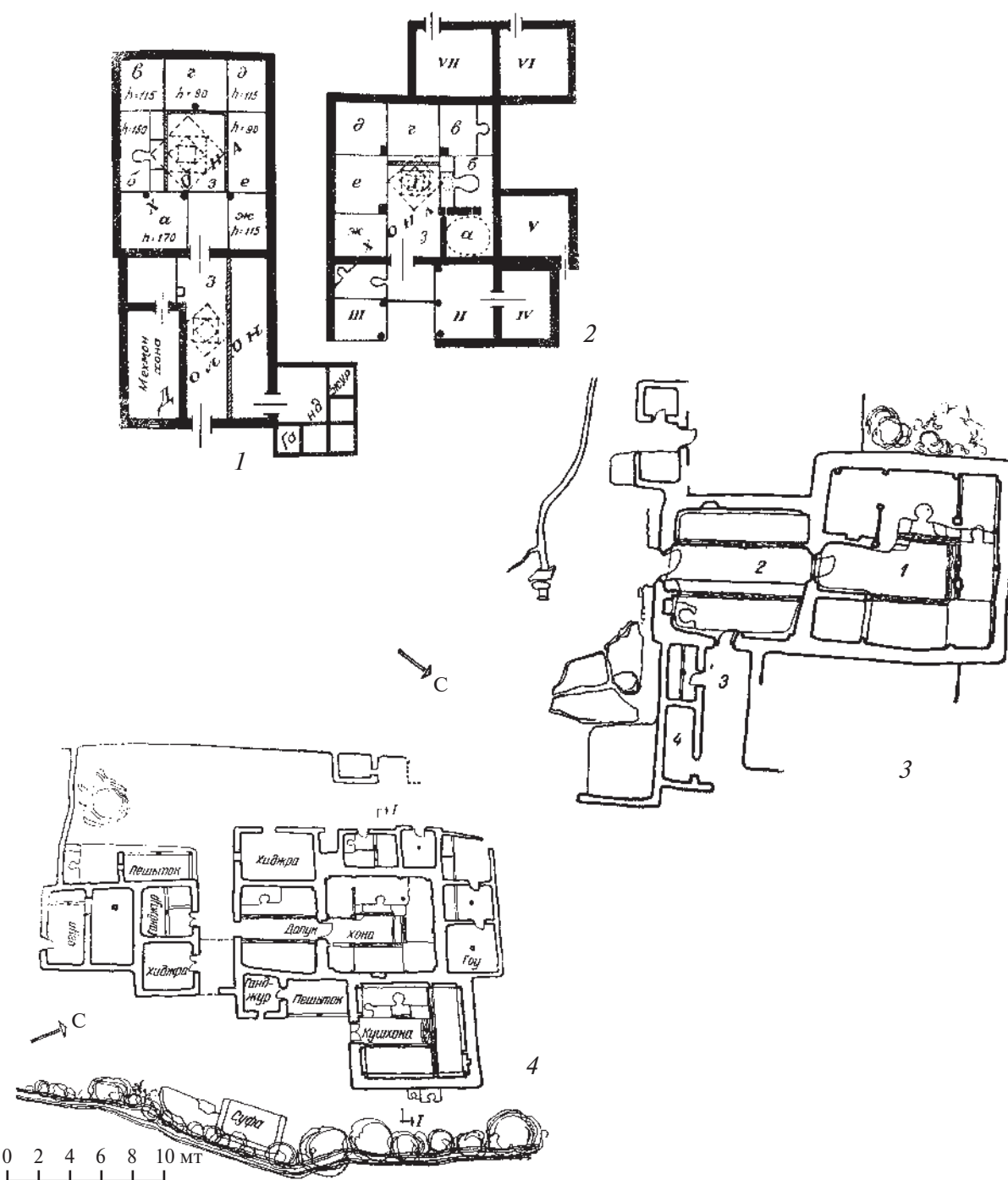

Рис. 6. Планы памирских домов: 1 – Дом Вали Нурова, кишлак Пшихарв, Дарваз (Писарчик, 1970. С. 71, рис. 37); 2 – Дом Кадама Джобирова, 1905 г., кишлак Курговад, Дарваз (Там же); 3 – Дом Худояр-бека Разыкова в Андербаге, Язгулем (Воронина, 1951. С. 268, рис. 9); 4 – Дом Бидона, Ванч (Там же. С. 257, рис. 2).

Fig. 6. Plans of Pamir houses: 1 – House of Vali Nurov, Pshikhav village, Darvaz (Pisarchik, 1970. P. 71, fig. 37); 2 – House of Kadam Jobirov, 1905, Kurgovad village, Darvaz (Pisarchik, 1970. P. 71, fig. 37); 3 – House of Khudoyar-bek Razykov in Anderbag, Yazghulom (Voronina, 1951. p. 268, fig. 9); 4 – House of Bidon, Vanj (Voronina, 1951. p. 257, fig. 2)

бездымный древесный уголь, — это переносная металлическая жаровня, которая не оставляет следов использования. О производстве таких жаровен упоминает О.А. Сухарева (1962. С. 35).

Возможно, что в Красном зале использовались именно переносные жаровни.

Временная разница между Красным залом и исследованными В.Л. Ворониной

и А.К. Писарчик памирскими жилищами не менее 250 лет, похоже, подтверждает наблюдение М.А. Бубновой и А.Н. Бернштама, которые одной из особенностей археологии Западного Памира назвали сильную традиционность в технике и культуре (Бубнова, 1997. С. 32).

Современные исследования показывают, что в традиционном памирском доме каждая деталь наполнена очень сложной символикой и семантикой, которые находят интерпретацию в зороастризме, исмаилизме и, возможно, буддизме (Васильцов, 2009. С. 167–175; Назарова, 2009. С. 52–54; Мамадназаров, 2015. С. 431–432; Тиллов, 2017; Садуллоева, 2019).

Декор помещения, вероятно, состоял из росписи, двуслойной/двухцветной штукатурки и деталей деревянных конструкций. Декоративной деталью интерьера мог служить и столик, украшенный простейшим геометрическим орнаментом.

Стенная роспись XV–XVI вв., и резное дерево, и геометрический орнамент сам по себе, и его технология исполнения — увлекательные и хорошо разработанные темы, которым посвящены работы многих известных исследователей. Однако декор Красного зала настолько прост или же его сохранность такова, что сказать что-либо интересное по его остаткам на этом объекте почти невозможно.

К рубежу XIV–XV вв. традиция росписи стен насчитывала уже не один век. К сожалению, в Красном зале найден лишь один мотив росписи — максимально простой пятилепестковый цветок с белой каплей в центре, без особых изгибов и излишней вычурности (рис. 7, 1). Предполагаемый синий цвет цветка на белом фоне укладывается в традицию росписи XV–XVI вв. (Ремпель, 1961. С. 319; Гуль, 2014. С. 29).

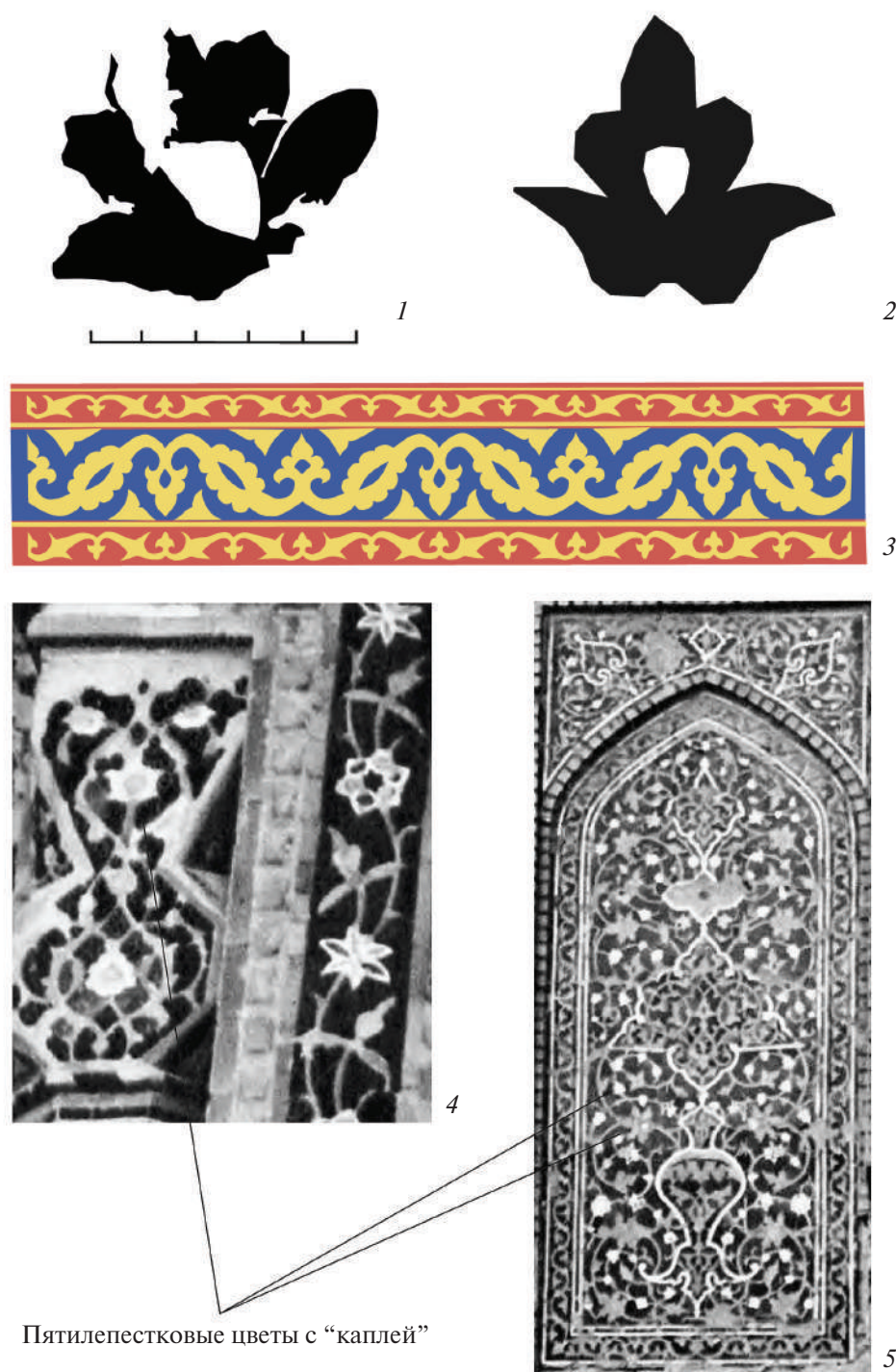
Схематичные изображения пятилепестковых цветов в самых разных стилях — относительно частый мотив мусульманского растительного орнамента. Однако аналогии нашему цветку и по стилю исполнения, и по количеству лепестков оказалось найти нелегко. Этот мотив обычно не бывает центральным в композиции орнамента и вполне может быть заменен трех- или семилепестковым цветком. Да и сам растительный орнамент, в котором используют трех-, пяти- и более лепестковые цветы, служит для заполнения фона или окантовки центральной композиции декора предмета или архитектурного сооружения. Подобные цветы настолько стилизованы, что интерпретировать их как какой-то конкретный цветок, к сожалению, невозможно. Что, в свою очередь,

не позволяет включить этот мотив в историю появления тех или иных орнаментальных мотивов в Средней Азии.

По своей простоте, схематичности и графичности наш цветок напоминает цветы архитектурной мозаики на стенах различных построек эпохи Тимуридов. Собственно, распространение архитектурной мозаики связывают с эпохой Тимуридов (Дейнике, 1939. С. 133, 140–142). Первоначально, еще с начала XIV в., этот вид декора принадлежал иранским, азербайджанским и хорезмийским мастерам (Ремпель, 1961. С. 292). Пятилепестковый цветок с каплей внутри можно увидеть на окантовке мозаичной панели Ак-Сарая в Шахрисябзе (1380–1404 гг.) (Средняя Азия..., 1983. Рис. 345). Похожий цветок есть на изразцовом панно мечети Ходжа-Зайнетдин, Бухара, вторая половина XVI в. (Дейнике, 1939. С. 187, рис. 182). Нечто похожее есть и на облицовке портала медресе Абдулла-хана в Бухаре (1587–1589 гг.) (Дейнике, 1939. С. 189, рис. 184); на облицовке входного портала в Гур-Эмир (XV–XVII вв.) (Средняя Азия..., 1983. Рис. 196); под лапами тигра на фасаде медресе Шир-дор (1619–1631 гг.) в Самарканде (Дейнике, 1939. С. 191, рис. 189; Средняя Азия..., 1983. Рис. 206); также можно увидеть чуть более вычурный пятилепестковый цветок на портале медресе Надира-диван-биги (1630–1631 гг.) в Самарканде (Средняя Азия..., 1983. Рис. 222).

По мнению Н.Б. Бакланова, первоисточником орнаментики стен в среднеазиатской архитектуре стало искусство кочевников (1947. С. 101, 102). Аналогии архитектурному декору в иранских коврах находил и Дейнике (1939. С. 168). Точки зрения, что декор стен и орнаменты ковров и тканей связаны, придерживаются и современные исследователи (Гуль, 2014. С. 41, 42).

Опираясь на эти утверждения, я обратилась к специалисту по тканям соответствующего хронологического периода А.Н. Тепляковой. Среди материалов, насчитывающих информацию о более чем 800 фрагментах тканей XIII–XVII вв. из различных музеев, удалось найти лишь несколько образцов со сходным изображением цветка в геометрическом стиле, соответствующем дарвазскому: в частности, на кайме халата из венецианского бархата, найденного в Белореченском кургане № 20 — середины XV в. (рис. 7, 3); на фрагменте самита (тип ткани) из музея “Коллекции Давида” в Копенгагене, предположительно произведенном в XV–XVI вв. в Северной Африке или Испании (Inv.no. 21/1988, <https://www.davidmus.dk/islamisk-samling/>

Пятилепестковые цветы с “каплей”

Рис. 7. Пятилепестковые цветы: 1 – фрагмент росписи из Красного зала; 2 – прорисовка цветка с надгробия из Каракалпакии, XIV в. (по Дейнике, 1939. Рис. 101); 3 – реконструкция-прорисовка фрагмента каймы инв.№ ГЭ ТБ-370, XV в. (рисунок А. Тепляковой); 4 – фрагмент фотографии облицовки входного портала в Гур-Эмир (XV–XVII вв.) (Пугаченкова, 1983. Илл. 196); 5 – фрагмент фотографии портала медресе Надира-диван-биги (1630–1631 гг.) в Самарканде (Там же. Илл. 222).

Fig. 7. Five-petal flowers: 1 – a fragment of painting from the Red Hall; 2 – a drawing of a flower from a tombstone in Karakalpakstan, 14th century (after Deynike, 1939. Fig. 101); 3 – a reconstruction-drawing of a fragment of the border inv.№ GE TB-370, 15th century (drawing by A. Teplyakov); 4 – a photo fragment of the tiling of the entrance portal to Gur-Emir (15th–17th centuries) (Pugachenkova, 1983. Fig. 196); 5 – a photo fragment of the portal of the Nadir-divan-biga madrasah (1630–1631) in Samarkand (ibid. Fig. 222)

tekstiler-taepper-og-laeder/item/1257, дата обращения: 22.08.2024 г.); и на некоторых полосах фрагмента андалузского шелка XV в. из Чикагского института искусств (Reference Number, 1951. 253. <https://www.artic.edu/artworks/110659/fragment>, дата обращения 22.08.2024 г.). Также можно найти мотив цветка с “каплями” на фрагменте египетской шелковой полосы XIII–XIV вв. из Метрополитен музея (рег. № 28.217.4, <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/448225>, дата обращения: 22.08.2024 г.), но цветок здесь более вычурный и семилепестковый. Следует отметить, что столь же вычурный, но пятилепестковый цветок с каплями в середине можно увидеть на каменном надгробии XIV в. из Каракалпакии (рис. 7, 2).

Интересно, что мотив, сходный с мотивом каймы халата из Белореченского кургана № 20, можно увидеть в этнографических материалах А.А. Бобринского — вязаные памирские носки с цветком (1900. Табл. XVII, в правом верхнем углу).

В Красном зале в нише зафиксированы следы двуслойного ганча (белой и тонированной охрой штукатурки) — слой красного, поверх которого располагался слой белого с живописью.

Во Дворце (рис. 1), который предположительно построен одновременно или почти одновременно с Красным залом, фрагментов двуслойного ганча больше. Он представляет собой белый геометрический орнамент по красному фону или фрагменты с неопределенной и негеометрической красной фигурой по белому фону. Возможно, в Красном зале и во дворце мы видим самый простой вариант техники кырма. Эта техника была известна давно, но стала очень популярной во второй половине XVI в. (Ремпель, 1961. С. 349).

Однако полноценных фрагментов, как во дворце, с рельефным обыгрывающим эти цвета орнаментом, ни на стенах, ни в заполнении Красного зала не обнаружено. Было лишь зафиксировано два слоя ганча.

Среди остатков горелого дерева нет резных форм, которые характерны для столбов в современных памирских домах. Среди множества сгоревших длинных квадратных и прямоугольных в сечении остатков дерева самыми сложными по форме были лишь несколько округлых фрагментов (Якубов, 2018. С. 85, фото 18). Можно очень осторожно предположить, что это шарообразные основания столбов деревянных колонн, поддерживающих перекрытие — традиционный кузаги. Это наиболее общий и характерный элемент

среднеазиатской колонны, так как он является почти неперменной и повсеместной деталью (Воронина, 1951а. С. 79). Форма таких колонн хронологически выходит далеко за рамки XV–XVI вв.

Столик в центре помещения украшен шестиугольными и треугольными каменными плитками, дополненными фрагментами штукатурки аналогичной формы. Вместе они составляют геометрический достаточно простой орнамент (рис. 5, 3).

В поисках аналогий орнаменту наталкиваясь на обширную литературу, посвященную мусульманскому геометрическому орнаменту — гирих. О появлении, стадиях развития, эволюции стилей гириха можно прочесть в трудах Б.Н. Бакланова, Л.И. Ремпеля, М.С. Булатова (Бакланов, 1947; Ремпель, 1978. С. 147 и далее; Булатов, 1988. С. 266). Гирих (*гирих*, *gurex* — перс. узел) — это сложные геометрические построения сеточной или центрической (звездчатой) структуры. При его создании использовались математические расчеты, позволявшие рассчитать раппорт узора, его “узел”. Для построения многих гирихов требовался довольно высокий уровень знания математики. При сложной композиции орнамента его рисунок необходимо было подготовить заранее. В XVI в. существовали целые альбомы с образцами орнаментов. Орнаменты из таких альбомов анализировал в своей работе М.С. Булатов (1988. С. 266 и далее); о существовании альбомов с гирихами еще в начале XX в. упоминает Б.Н. Бакланов (Бакланов, 1947. С. 107, 108). По мнению Э. Гюль, в эпоху просвещенного мусульманского средневековья гирих — это не просто ритм линий и форм, но, в первую очередь, демонстрация достижений точных наук (2014. С. 58). П. Захидов писал: “если в средние века поэты изошрялись в тонкости стихотворных загадок — муаммо, то в кругу зодчих шло соревнование по разработке и решению сложнейших гирихов” (цит. по: Гюль, 2014. С. 58).

Несмотря на то что столик и его декор — это часть какой-то неясной механической конструкции из камня и дерева, простота геометрического узора, вероятно, указывает, с одной стороны, на то, что квалификация архитектора Красного зала была не самого высокого уровня из возможных, с другой — что механическая конструкция вряд ли была связана с астрологией.

К числу вещественных находок можно отнести лишь чашу. Она лепная (?), диаметр — около 14 см, высота — около 9 см (рис. 8, 1). Пострадала в пожаре, черепок рыхлый и рассыпчатый.

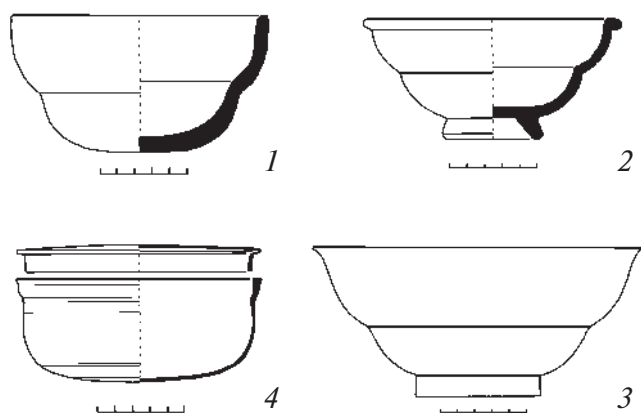

Рис. 8. Чаша из Дарваза и сходные с ней формы: 1 — дарвазская чаша; 2 — форма Dragendorff 27; 3 — прорисовка формы по фото в интернете китайской чаши периода Цяньлун (1736–1796 гг.) (<https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2022/china-5000-years-3/a-rare-black-ground-green-enamelled-floral-ogee> Дата обращения: 15.12.2023); 4 — венецо-сарацинская чаша (Ward, La Niece, Hook and White, 1995. P. 256, fig.tt7 c).

Fig. 8. The Darvaz bowl and similar forms: 1 — the Darvaz bowl; 2 — Dragendorff 27 form; 3 — a drawing of the shape from a photo of a Chinese bowl of the Qianlong period (1736–1796) published online (<https://www.sothebys.com/en/buy/auction/2022/china-5000-years-3/a-rare-black-ground-green-enamelled-floral-ogee> Date of access: 15.12.2023); 4 — a Veneto-Saracenic bowl (Ward, La Niece, Hook and White, 1995. P. 256, fig.tt7 c).

Найдена в проходе в помещение. Форма чаши не самая удобная для воспроизведения в глине, необычна как для гончарного, так и для лепного сосуда. Округлое дно, почти вертикальные стенки нижней части, закругленный профиль слегка отогнутого наружу широкого борта. Чаша кажется выполненной в форме. Однако для сосудов, слепленных в форме и имеющих изгиб-ребро на внешней поверхности, характерна ровная и гладкая внутренняя поверхность, например, как у котлов Пенджикента (Маршак, 2012. С. 322, 323. Илл. 105, 108).

Поиск аналогий чаше вызывает некоторые затруднения. Неглазурованная керамика Средней Азии XV–XVI вв. малоизучена.

Ю.Я. Якубов, в рамках своей концепции памятника, датирует ее VI–V вв. до н.э., ссылаясь на работу М.Г. Воробьевой по керамике Хорезма (Якубов, Сулаймонзода, 2022. С. 123). По ссылке, предложенной Ю.Я. Якубовым (Воробьева, 1959. С. 70, рис. 2, 33, 34), помещены изображения гончарных тазов, диаметром около 40 см, совершенно иной формы.

Среди античных форм нашей чаше наиболее близок образец посуды *terra sigillata* Dragendorff 27

(рис. 8, 2), производившийся приблизительно с 50 до 150 г. н.э. Керамику *terra sigillata* изготавливали во многих гончарных мастерских по всей Римской империи. Термин *terra sigillata* в настоящее время обычно применяется к целому классу посуды преимущественно красного цвета, изготовленной в стандартных формах. Различные сосуды обычно названы как “формы”, каталогизированные с использованием сокращенного названия их оригинального каталога в качестве префикса к числовому ряду. Например, форма Dragendorff 27. Источником вдохновения для создания *terra sigillata*, видимо, послужила посуда из металла и керамики, использовавшаяся в римской столовой практике, заимствованная как из Этрурии, так и из восточных источников. Для определения названия и функции сосуда в период его бытования исследователи сопоставляли метки, наносившиеся на сосуды до обжига с названием сосуда, именем керамиста и т.п. на галльском или латинском языках, и письменные источники с описанием различных блюд и организации застолий. В частности, форма Dragendorff 27 называлась *Acetabulum*, сосуд был связан с соусами и уксусом, его узкое использование — мерная кружка для уксуса и масла, чуть более широкое — соусник для рыбного соуса и соусов с уксусом, еще шире — как сосуд для игры в кости. Их изготавливали в стандартизированных группах размеров, которые можно охарактеризовать как маленькие, средние и большие. На формы сосудов повлияло использование и сочетание компонентов римского столового этикета и смеси этнической кулинарии, заимствованной из более широкого греческого мира (Dannell, 2006; 2018).

Хотя на памятнике Калаи Кухна (Карон) в Дарвазе мы можем с большей или меньшей уверенностью предположить слои кушанского времени, возможность появления формы, подобной форме Dragendorff 27, вместе с керамикой этого периода на Памире и сохранение ее до XV–XVI в. маловероятны.

С другой стороны, сходный изгиб имеет небольшая китайская чаша с изображением дракона, хранящаяся в отделе Востока ГЭ — ЛК-2663 (высота — 8.6 см; диаметр — 17.2 см), поступившая в 1958 г. из Музея восточных культур. На дне чаши марка Даогуан (1820–1850 гг.). От чаши из Дарваза ее отличает кольцевой поддон (рис. 8, 3).

Подобной формы чаши с маркой Юнчжен (1723–1735 гг.) были опубликованы в коллекции *Meiyintang* (Krahl, 1994. P. 172, 173, Cat. 813). В каталожном описании Регина Краль

- Воронина В.Л. Жилище Ванча и Язгулема (Автономная Горно-Бадахшанская область Таджикской ССР) // Архитектура республик Средней Азии. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 19516. С. 251–281.
- Дейнике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1939. 228 с.
- Голь Э. Архитектурный декор эпохи Темуридов: символы и значения [Электронный ресурс]. Ташкент, 2014. URL: https://www.academia.edu/27332604/Архитектурный_декор_эпохи_Темуридов_символы_и_значения_Ташкент_2014_г (дата обращения: 05.04.2023).
- Козлова А.А. Садово-архитектурные комплексы как индикатор состояния Могольской империи // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 3. С. 46–60.
- Коротчикова П.В. Забытые сады эпохи Делийского султаната и их связь с садово-парковым искусством Великих Моголов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2020. № 1. С. 138–150.
- Кузнецов П.А. Дарвоз (рекогносцировка 1892 г.). Новый Маргелан: Ферганское обл. правл., 1893. 175 с.
- Мамадназаров М. Памятники зодчества Таджикистана. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 496 с.: ил.
- Маршак Б.И. Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 383 с.
- Назарова З.О. Памирский дом в контексте культуры // Традиционная культура. 2009. Вып. 2. С. 48–57.
- Назмиева А.А. Исламский сад в мировой истории архитектуры // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2008. № 1 (9). С. 45–50.
- Никитин А.Б., Смирнова Л.О. О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе // Проблемы археологии и истории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 2017. С. 94–102.
- Никитин А.Б., Смирнова Л.О. Нумизматические находки с городища Калаи Кухна (Каррон) и проблема датировки сохранившихся архитектурных сооружений // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 255. С. 359–366.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 396 с.
- Писарчик А.К. Жилище // Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1958. С. 420–486.
- Писарчик А.К. Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1970. С. 19–116.
- Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 70–111.
- Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. XXIII. Гуманитарные науки. Кн. 4. История. Ташкент, 1951. С. 143–168.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана: история развития и теория построения. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 606 с., 7 л. ил.
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока: Избранные труды по истории и теории искусств. М.: Сов. художник, 1978. 286 с.
- Садуллоева М.С. Символическое пространство памирского дома и его значимость // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 2. С. 97–101.
- Смирнова Л.О. Архитектурный объект “Панчманор” на средневековом городище Калаи Кухна (Карон) в Дарвазе // Российская археология. 2020. № 3. С. 173–188.
- Смирнова Л.О. Садовые террасы рубежа XV–XVI вв. в Дарвазе, Таджикистан // Российская археология. 2023. № 1. С. 165–177.
- Средняя Азия: справочник-путеводитель / Авт. текста и сост. альбома Г.А. Пугаченкова. М.: Искусство, 1983. XLII, 427 с.: ил., карт.
- Суворова А.А. Могольские сады: образ рая, символ власти // Восток (Oriens). 2009. № 6. С. 28–38.
- Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1962.
- Тиллоев С. Особенности символики памирского дома // Бюллетень науки и практики. Исторические науки. 2017. № 1. С. 234–239.
- Якубов Ю. Красный зал в Кароне – астрологическая комната // Историк (Муаррих). Душанбе, 2018. № 4 (16). С. 79–87.
- Якубов Ю., Сулаймонзода А. Карон – резиденция правителей древнего Дарваза (к проблеме сложения города в горных районах). Душанбе, 2022.
- Auld S. “Veneto-Saracenic” Metalwork: Objects and History: Thesis presented for the Degree of Ph.D. to the University of Edinburgh. Edinburgh, 1989. 334 + 180 p.
- Behrens-Abouseif D. Veneto-saracenic Metalware // Mamlūk Studies Review. 2005. Vol. 9, № 2. P. 147–172.
- Bernardini M. Die Garten von Samarkand und Herat // Der islamische Gärten. Architektur. Natur. Landschaft. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. S. 237–248.
- Dannell G.B. Samian cups and their uses [Электронный ресурс] // Romanitas: Essays on Roman Archaeology in Honour of Sheppard Frere on the Occasion of his Ninetieth Birthday / Ed. R.J.A. Wilson. 1st edition. Oxford: Oxbow Books, 2006. URL: https://www.academia.edu/23444087/Samian_Cups_and_their_uses (дата обращения: 15.02.2024).
- Dannell G.B. The Uses of South Gaulish Terra Sigillata on the Roman Table. A study of nomenclature and

- vessel function [Электронный ресурс] // Internet Archaeology. 2018. 50. URL: <https://intarch.ac.uk/journal/issue50/5/index.html> (дата обращения: 15.02.2024).
- Krahl R. *Chinese Ceramics from the Meiyintang Collection*. Vol. 2. Porcelains from the Yuan (1279–1368 A.D.) to the Qing dynasty. London: Azimuth Editions, 1994. 319 p.
- Ward R., La Niece S., Hook D., White R. “Veneto-Saracenic” Metalwork: An Analyses of the Bowls and Incense Burners in The British Museum // Trade and Discovery. The Scientific Study of Artefacts from Post-Medieval Europe and Beyond / Eds. D.R. Hook, D.R.M. Gaimster. London: The British Museum Press, 1995. P. 235–258.
- Wilber D.N. Bāgh-e Fin near Kashan // *Ars Orientalis*. 1957. Vol. 2. P. 506–508.

RESIDENTIAL STRUCTURE OF THE 16TH-CENTURY AD IN THE KALA-I KUKHNA (KARRON) GARDENS IN DARVAZ

L.O. Smirnova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

E-mail: smirnova@hermitage.ru

The article develops a series of publications considering the materials collected in 2012–2014 in Darvaz, Tajikistan. This paper features one of the architectural objects excavated in the late medieval layers of Kala-i Kukhna (Karron). The author presents a description of the room conventionally called the “Red Hall”, describes analogies to its layout in the ethnography of the Pamirs, and analyzes the decor and function of the room. The article provides arguments in favor of dating the room within the chronological boundaries of the last period of habitation of the site, i.e. the 14th – early 17th century AD, as well as arguments refuting the interpretation of the room as an “astrological hall” proposed earlier by Tajik researchers. In addition, the paper considers the existence of forms of dishes similar to the shape of the clay bowl found in the “Red Hall”.

Keywords: late medieval Darvaz, Kala-i Kukhna (Karron), “Red Hall”, “astrological hall”, layout of residential space, ethnography of the Pamirs, paintings, decor, clay bowl.

REFERENCES

- Auld S., 1989. “Veneto-Saracenic” Metalwork: Objects and History: Thesis presented for the Degree of Ph.D. to the University of Edinburgh. Edinburgh. 334 + 180 p.
- Baklanov N.B., 1947. Gerikh. Geometrical ornament of Central Asia and methods of its construction. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, IX, pp. 101–120. (In Russ.)
- Behrens-Abouseif D., 2005. Veneto-saracenic Metalware. *Mamlūk Studies Review*, vol. 9, no. 2, pp. 147–172.
- Bernardini M., 1995. Die Garten von Samarkand und Herat. *Der islamische Gärten. Architektur. Natur. Landschaft*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, pp. 237–248.
- Bobrinskoy A.A., 1900. Ornament gornyx tadjikov Darvaza (Nagornaya Bukhara) [Ornament of highland Tajiks from Darvaz (Mountainous Bukhara)]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K°. 18, 6 p., ill.
- Bubnova M.A., 1997. Arkheologicheskaya karta Tadzhi-kista-na. Gorno-Badakhshanskaya avtonomnaya oblast'. Zapadnyy Pamir (pamyatniki II tys. do n.e. – XIX v.) [Archaeological map of Tajikistan. Gorno-Badakhshan Autonomous Region. Western Pamirs (sites of the 2nd millennium BC – 19th century AD)]. Dushanbe: Donish. 283 p.
- Bulatov M.S., 1988. Geometricheskaya garmonizatsiya v arkhitekture Sredney Azii IX–XV vv. (istoriko-teoreticheskoe issledovanie) [Geometric harmonization in the architecture of Central Asia of the 9th–15th centuries AD (historical and theoretical research)]. Moscow: Nauka. 360 p.
- Dannell G.B., 2006. Samian cups and their uses (Electronic resource). *Romanitas: Essays on Roman Archaeology in Honour of Sheppard Frere on the Occasion of his Ninetieth Birthday*. R.J.A. Wilson, ed. 1st edition. Oxford: Oxbow Books. URL: https://www.academia.edu/23444087/Samian_Cups_and_their_uses.
- Dannell G.B., 2018. The Uses of South Gaulish Terra Sigillata on the Roman Table. A study of nomenclature and vessel function (Electronic resource). *Internet Archaeology*, 50. URL: <https://intarch.ac.uk/journal/issue50/5/index.html>.
- Deynike B.P., 1939. Arkhitekturnyy ornament Sredney Azii [Architectural ornament of Central Asia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury. 228 p.
- Gyul' E., 2014. Arkhitekturnyy dekor epokhi Temuridov: simvol i znacheniya (Elektronnyy resurs) [Architectural decor of the Timurid period: symbols and meanings (Electronic resource)]. Tashkent. URL: <https://www.academia.edu/27332604/>

- Архитектурный декор эпохи Темуридов. Символы и значения. Ташкент, 2014 г.
- Korotchikova P.V., 2020. Forgotten gardens of the Delhi Sultanate period and their connection with the garden art of the Great Mughals. *Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury [Issues of the world history of architecture]*, 1, pp. 138–150. (In Russ.)
- Kozlova A.A., 2017. Landscape gardening as an indicator of changes of the Mughal Empire. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie [Moscow University Oriental Studies Bulletin]*, 3, pp. 46–60. (In Russ.)
- Krahl R., 1994. *Chinese Ceramics from the Meiyintang Collection*, 2. Porcelains from the Yuan (1279–1368 A.D.) to the Qing dynasty. London: Azimuth Editions. 319 p.
- Kuznetsov P.A., 1893. Darvoz (rekonostsirovka 1892 g.) [Darvoz (reconnaissance research in 1892)]. Novyy Margelan: Ferganskoe oblastnoe pravlenie. 175 p.
- Mamadnazarov M., 2015. Pamyatniki zodchestva Tadzhi-kistana [Architectural monuments of Tajikistan]. Moscow: Progress-Traditsiya. 496 p.: ill.
- Marshak B.I., 2012. Keramika Sogda V–VII vekov kak istoriko-kul'turnyy pamyatnik [Sogd ceramics of the 5th–7th centuries AD as a historical and cultural monument]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 383 p.
- Nazarova Z.O., 2009. Pamir house in the context of culture. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*, 2, pp. 48–57. (In Russ.)
- Nazmieva A.A., 2008. Islamic garden in the world history of architecture. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [News of Kazan State University of Architecture and Engineering]*, 1 (9), pp. 45–50. (In Russ.)
- Nikitin A.B., Smirnova L.O., 2017. A rare site of Muslim architecture in Darvaz. *Problemy arkheologii i istorii Tadjikistana [Issues of archaeology and history of Tajikistan]*. Dushanbe: Donish, pp. 94–102. (In Russ.)
- Nikitin A.B., Smirnova L.O., 2019. Numismatic finds from Qalai Kuhna (Karron) fortified settlement and problem of dating of preserved architectural structures. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255, pp. 359–366. (In Russ.)
- Peshchereva E.M., 1959. Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii [Pottery production of Central Asia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 396 p.
- Pisarchik A.K., 1958. Dwelling. *Andreev M.S. Tadjiki doliny Khuf [Tajiks of the Khuf Valley]*, 2. Stalinabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadjikskoy SSR, pp. 420–486. (In Russ.)
- Pisarchik A.K., 1970. Dwelling. *Tadjiki Karategina i Darvaza [Tajiks of Karategin and Darvaz]*. Dushanbe: Donish, pp. 19–116. (In Russ.)
- Pisarchik A.K., 1982. Traditional methods of heating dwellings of the settled population in Central Asia in the 19th–20th centuries. *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana [Dwelling structures of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]*. Moscow: Nauka, pp. 70–111. (In Russ.)
- Pugachenkova G.A., 1951. Garden art of Central Asia during the reign of Timur and the Timurid period. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya [Proceedings of the Central Asian State University. New Series]*, iss. XXIII. *Gumanitarnye nauki [Humanities]*, part 4. *Istoriya [History]*. Tashkent, pp. 143–168. (In Russ.)
- Rempel' L.I., 1961. Arkhitekturnyy ornament Uzbekistana: istoriya razvitiya i teoriya postroeniya [Architectural ornament of Uzbekistan: History of development and theory of construction]. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. 606 p., ill.
- Rempel' L.I., 1978. *Iskusstvo Srednego Vostoka: Izbrannyye trudy po istorii i teorii iskusstva [Art of the Middle East: Selected works on the history and theory of arts]*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. 286 p.
- Sadulloeva M.S., 2019. Symbolic space of the Pamir house and its significance. *Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadjikistan [Bulletin of A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan]*, 2, pp. 97–101. (In Russ.)
- Smirnova L.O., 2020. The structure of “Panjmanor” in the medieval fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron) in Darvaz. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 173–188. (In Russ.)
- Smirnova L.O., 2023. Garden terraces of the turn of the 15th–16th centuries in Darvaz, Tajikistan. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 165–177. (In Russ.)
- Srednyaya Aziya: spravochnik-putevoditel' [Central Asia: a handbook and guide]. G.A. Pugachenkova, comp. Moscow: Iskusstvo, 1983. XLII, 427 p.: ill.
- Sukhareva O.A., 1962. Pozdnefeodal'nyy gorod Bukhara [Late feudal city of Bukhara]. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoy SSR.
- Suvorova A.A., 2009. Mughal gardens: an image of paradise, a symbol of power. *Vostok (Oriens) [Oriens]*, 6, pp. 28–38. (In Russ.)
- Tilloev S., 2017. Features of the symbolism of the Pamir house. *Byulleten' nauki i praktiki. Istoricheskie nauki [Bulletin of science and practice. Historical sciences]*, 1, pp. 234–239. (In Russ.)
- Vasil'tsov K.S., 2009. ‘Alam-i sagir: on the issue of the symbolism of the traditional Pamir dwelling. *Tsentrall'naya Aziya. Traditsiya v usloviyakh peremen [Central Asia. Tradition amid changes]*, II. St. Petersburg, pp. 150–179. (In Russ.)
- Vorob'eva M.G., 1959. Khorezm Ceramics of the ancient period. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition]*, IV. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 63–220. (In Russ.)
- Voronina V.L., 1951. Narodnye traditsii arkhitektury Uzbekistana [Folk traditions of architecture of Uzbekistan].

- Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo arkhitektury i gradostroitel'stva. 168 p.
- Voronina V.L., 1951. Dwellings of Vanj and Yazghulom (Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Tajik SSR). *Arkhitectura respublik Sredney Azii [Architecture of the Central Asian Republics]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo arkhitektury i gradostroitel'stva, pp. 251–281. (In Russ.)
- Ward R., La Niece S., Hook D., White R., 1995. “Vene-to-Saracenic” Metalwork: An Analyses of the Bowls and Incense Burners in The British Museum. *Trade and Discovery. The Scientific Study of Artefacts from Post-Medieval Europe and Beyond*. D.R. Hook, D.R.M. Gaimster, eds. London: The British Museum Press, pp. 235–258.
- Wilber D.N., 1957. Bāgh-e Fīn near Kashan. *Ars Orientalis*, 2, pp. 506–508.
- Yakubov Yu., 2018. Red Hall in Karron is an astrological room. *Istoriik (Muarrikh) [Historian]*. Dushanbe, 4 (16), pp. 79–87. (In Russ.)
- Yakubov Yu., Sulaymonzoda A., 2022. Karon – rezidentsiya praviteley drevnego Darvaza (k probleme slozheniya goroda v gornyx rayonakh) [Karron as the residence of ancient Darvaz rulers (to the problem of the urban formation in mountainous areas)]. Dushanbe.